

Глава 21. Наливай, помянем... или отпразднуем!

Финальный аккорд потонул в восторженном рёве. Зал бесновался, требуя продолжения, но артисты, отвесив церемонный поклон, проигнорировали выкрики «на бис» и покинули сцену, уступая место следующим участникам программы.

Едва добравшись до гримёрки, они скинули сценические костюмы, но выйти не успели — путь преградили.

Перед ними стоял не кто иной, как Ху Цин, сын владельца заведения Ху Чжунфа. Совсем ещё юнец, едва перешагнувший порог совершеннолетия, — типичный представитель «золотой молодёжи». У него была ещё младшая сестра, школьница Ху Лэйлэй.

Цинь Фань и Цзян Хэн, едва узнав, что имена детям выбирал их наставник, Хромой Чжан, невольно содрогнулись. Старик в своём репертуаре: страсть к каламбурам у него была поистине патологической. Получилось изящно: Ху Цин и Ху Лэйлэй — «Брехня» и «Пустозвонство».

— Рок был просто отпад! — выпалил Сяо Ху, сияя от восторга. — Живее, переодевайтесь и пойдём выпьем. Брат Ду и остальные уже заждались, меня за вами отправили.

Парни, кивнув, принялись складывать вещи. Подобные приглашения после выступлений давно стали традицией — за кружкой-другой они сблизились со многими завсегдаятами из числа богатых наследников.

— Слушайте, ну когда вы уже возьмёте меня в ученики? — канючил Ху Цин, крутясь под ногами. — Кто из вас станет моим мастером?

Сяо Ху был из тех мажоров, у которых семь пятниц на неделе. С чего вдруг он загорелся искусством сяншэна — бог весть, но стоило идее засесть в его голове, как он тут же атаковал Хромого Чжана. Старик, впрочем, наотрез отказался брать новых учеников, и тогда парень переключился на братьев.

Цинь Фань и Цзян Хэн лишь переглянулись с понимающими улыбками. Они прекрасно видели парня насквозь: Ху Цин просто завидовал вниманию, цветам и аплодисментам, которые они получали на сцене. Обычный сиюминутный порыв.

— О десницах и преемниках забудь, — отрезал Цинь Фань. — Ты только-только экзамены сдал. Лучше подумай, как будешь в университете учиться.

Самому Цинь Фаню уже исполнился двадцать один год, и при упоминании учёбы в его душе шевельнулась тихая печаль — несбыточная мечта о студенческой жизни, которой он так и не вкусил. Оттого и голос его прозвучал неожиданно наставительно.

— Так в том-то и дело! Раз экзамены позади, у меня теперь вагон времени, чтобы учить репризы! — Поняв, что Цинь Фань непреклонен, Ху Цин бросился к Цзян Хэну. — Брат Цзян, ну хоть ты меня научи! Будем рок лабать, на гитарах играть!

Он даже изобразил пальцами воображаемые аккорды. Цзян Хэн лишь усмехнулся, спрятал телефон в карман и, не проронив ни слова, направился к выходу.

— Ну что вы за люди такие! — обиженно буркнул Ху Цин, семена следом.

Выйдя в коридор, Цинь Фань огляделся.

— А где сестра Лили? — спросил он. Обычно за кулисами было шумно, а сегодня стояла непривычная тишина.

— Сестра Лили взяла отгул, — тут же встрял Ху Цин. — Какое-то время её не будет. Но отец сказал, что пока вы двое здесь, убытки от её отсутствия будут копеечными.

Братья не сдержали смеха. Мальчишка перенял манеру отца рассуждать о людях как о бизнес-активах с пугающей точностью.

Они вышли в основной зал. Оглушительная музыка и всполохи стробоскопов мгновенно накрыли их с головой. Лавируя в толпе, тройца добралась до VIP-ложи, где их встретили радостными возгласами.

— Наконец-то! Садитесь, мы уже всё разлили!

— Тётушка! Дядюшка!

Раздался восторженный визг. Из-за стола вскочила модно одетая девица и буквально повисла на руках у Цинь Фаня и Цзян Хэна. Ху Цин, почуяв неладное, благоразумно нырнул на другой конец дивана.

Цинь Фань вздохнул. Перед ними была Чжоу Шия — та самая «неистовая фанатка», которая когда-то готова была выложить пятьдесят тысяч за их поцелуй на сцене. Лидер их фан-клуба и главная поборница их «братской любви». Несмотря на тихое имя, по характеру она была настоящей фурией.

— Ах, Тётушка, Дядюшка, вы были божественны! А как вы халатами взмахивали... Дай Синь, живо фоткай нас! — затараторила она, прижимаясь к парням.

Цинь Фань и Цзян Хэн лишь смиренно улыбались в камеру. Чжоу Шия была их верным «золотым» спонсором и давним другом, так что они позволяли ей эти маленькие безумства. К

тому же она знала меру — за руки хватала, но лишнего себе не позволяла. Именно за это её умение вовремя остановиться братья и терпели её экзальтированность.

— Ты только полегче, — хохотнул один из парней за столом, поигрывая бокалом. — А то опять в обморок шлёпнешься.

Это был Ду Шаоюань, отпрыск весьма влиятельного семейства из Имперской столицы. Рядом с ним, в вальяжной позе, расположился Тан Цзюнь — ещё один представитель высшего света.

Ду, Тан, Чжоу Шия и Дай Синь — вся эта компания дружила с детства. Раньше они фанатели от Хромого Чжана, но стоило появиться молодым талантам, как их сердца (и кошельки) были отданы Цинь Фаню и Цзян Хэну.

За три года работы в клубах братья повидали немало «хозяев жизни», но именно с этой четвёркой у них сложились по-настоящему тёплые отношения. Судьба — странная штука: их связал сяншэн, а объединила дружба.

— Ду Шаоюань! Пей своё вино и помалкивай! — огрызнулась Шия, густо покраснев.

Парни прыснули. На одном из прошлых выступлений Чжоу Шия так расчувствовалась, наблюдая за их дуэтом, что действительно лишилась чувств. Перепуганный менеджер Ли тогда лично распорядился отправить её в больницу. Врачи долго потом допытывались у сопровождающих: то ли пациентка привидение увидела, то ли с тарзанки неудачно прыгнула. Этот случай стал для компании поводом для вечных подколов.

Пока компания обменивалась колкостями, к столу робко подошли ещё несколько девушек, умоляя о совместном фото. Цинь Фань и Цзян Хэн привычно и вежливо согласились — внимание фанатов стало неотъемлемой частью их жизни.

Едва девушки отошли, братья наконец присели и подняли бокалы с друзьями. Но не успели они сделать и глотка, как Чжоу Шия и Дай Синь начали суетливо собираться, рассыпаясь в извинениях.

— Тётушка, только не ревнуй! — выпалила Шия, поправляя сумочку. — Сегодня у Лорда Хуа сольник в «Зале Счастья и Праздника», нам кровь из носу нужно успеть.

Братья переглянулись.

— Цяо Хуаянь вернулся в Имперскую столицу?

Цяо Хуаянь, он же Лорд Хуа, был птицей иного полета. Настоящий «прекрасный принц» от мира традиционного искусства. С мощной поддержкой семьи и школы «Цзицинтан» за спиной, он с первого дня купался в лучах славы. Хуаянь плевал на условности: выходил на сцену с

длинными волосами, становясь мишенью для критики консерваторов и объектом обожания молодёжи. Последние пару лет он то и дело мелькал на обложках глянца и стал за пределами популярен.

— Ага, — кивнула Дай Синь, подкрашивая губы. — Они закончили тур по стране и вернулись на родные подмости. Сегодня — его бенефис!

Она хитро подмигнула братьям:

— У нас всё просчитано. Посмотрели ваш драйв, а теперь летим за эстетикой к Лорду Хуа. Идеальный вечер!

Цинь Фань лишь покачал головой:

— Ну, раз идеальный, то бегите быстрее.

— Обожаем вас! — крикнула Шия, подхватывая подругу под локоть, и они вихрем скрылись в толпе.

Цинь Фань заметил, что и те девушки, что подходили за автографами, тоже потянулись к выходу.

— Похоже, сегодня весь десант высадится у Цяо Хуаяня, — усмехнулся Цзян Хэн.

— Удивительные люди, — вздохнул Цинь Фань. — Сначала к нам, потом к нему. Какая всепоглощающая любовь к искусству!

— Да просто фанатки помешанные, — резюмировал Ду Шаоюань, разливая по новой.

— Слушайте, а переходите-ка ко мне в компанию, — вдруг подал голос молчавший до этого Тан Цзюнь. — Я из вас мировых звёзд сделаю, костями лягу...

— Ты-то? — перебил его Ду. — Завязывай. Твоя контора открыта только ради того, чтобы актрисуль кадриться было сподручнее. «Мировых звёзд» он сделает, ага.

Компания взорвалась хохотом. Тан Цзюнь закатил глаза, привычно сносая издёвки друга. Цинь Фань и Цзян Хэн, улыбаясь, подняли бокалы в сторону Тана:

— Спасибо за предложение, брат Тан. Оценили.

Тем временем у ворот «Зала Счастья и Праздника».

Чжоу Шия и Дай Синь выскочили из такси и нос к носу столкнулись с теми самыми девчонками из ночного клуба. «Свои!» — промелькнуло в головах у обеих групп. Коротко поприветствовав друг друга как старых соратников по фронту, девушки бросились внутрь. Билеты, контроль — и вот они уже в зале.

На сцене царил Цяо Хуаянь. Это был финал программы, и вместо привычного сяншэна он решил представить публике то, чему учился с малых лет, — классическую Пекинскую оперу.

Зал замер. Перед зрителями предстал не мужчина, а прекрасная воительница. Тонко выписанные брови, лицо, подобное нежному цвету персика — в этот миг в нём не осталось ни капли мужского. На сцене стояла гордая красавица в синих доспехах. На голове — венец «семи звёзд» с подрагивающими розовыми помпонами и длинными фазаньими перьями. За спиной — два флага, в ножнах у пояса — меч с изящной вышивкой. Знаменитая Ичжанцзин Ху Саньян!

Статный и высокий в жизни, в этом образе Цяо Хуаянь казался воплощением воинственной грации. Он выбрал сложнейшую постановку — «Хуцзячжуан», где требовалось мастерство и вокала, и акробатики.

Под drobный рокот барабанов Хуаянь заскользил по сцене мелким шагом «юаньчан». Резкая остановка — «лянсян»! Он перехватил перо, положил руку на эфес меча и посмотрел пронзительно и победно. Зал взорвался криками восторга.

Как сказано в старых книгах: «Воительница дивной красоты, в золотых доспехах поверх алого шелка. С мечом наперевес, она летит в гущу сражения, подобно цветку хайтана, расцветшему среди битвы».

Музыка ускорилаь. Цяо Хуаянь закружился в вихре движений, демонстрируя безупречную технику. Прыжок, «кувырок ястреба» в воздухе — и снова шквал аплодисментов. Он не просто играл, он проживал ярость и доблесть своей героини.

Чжоу Шия, мало что смыслившая в тонкостях оперы, сидела, затаив дыхание. Она видела лишь одно: Лорд Хуа в этот миг был ослепителен. Слезы сами собой покатались по её щекам. Это был миг абсолютного счастья: сначала выпивка и фото с «Тётушкой», теперь — это невероятное зрелище.

Рядом Дай Синь молча достала из сумочки пузырёк с сердечными каплями. На всякий случай. Она знала свою подругу слишком хорошо.